
Т. В. КУЗНЕЦОВА

ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ В ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ НАРОДНИКОВ

В становлении культуры Нового времени заметную роль сыграла идея народности. Развиваясь вместе с развитием общества и принимая различные концептуальные формы начиная с эпохи Великой французской революции вплоть до второй половины XX века, эта идея постоянно присутствует в идейно-эстетических дискуссиях и в самом творческом процессе. Идея народности соединяла традицию с творческим поиском. Она придавала последнему определенные ориентиры и вместе с тем национальную окраску, выражающую собой многообразие и самобытность, без которой творческий процесс, в сущности, невозможен.

Одной из самых важных идеологем, под знаком которых шло формирование сознания и культуры новоевропейского типа (именно этот тип мы обычно явно или неявно отождествляем с «современной цивилизацией» вообще), является понятие «народ» и семантически связанное с ними семейство понятий «народный», «народность» и т. п.

Еще в конце XVIII века знаменитая Е. Р. Дашкова в споре с австрийским канцлером Кауницем сетовала на то, что Петр I уничтожил «бесценный и самобытный характер наших предков»¹, отмечая при этом высочайший уровень художественной культуры допетровской Руси.

Несколько позже, в 1800-х годах, проблема самобытности России в концептуальной форме была поставлена Н. М. Карамзиным. При этом эволюция его взглядов на русскую историю и культуру в известном смысле может рассматриваться как модель, демонстрирующая смену общественных настроений.

¹ Дашкова, Е. Р. Записки. Л., 1985. С. 127.

В «Письмах русского путешественника» (1790) в форме универсального, наднационального просветительства выражена идеология «русского ученичества». «Путь образования или просвещения, – писал Карамзин, – один для народов; все они идут им вслед друг за другом... Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками. Петр двинул нас своею мощной рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие **Иеремиады** об изменении Русского характера, о потере Русской нравстфизиономии или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их болею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным удовольствиям». И характернейшее резюме: «**Все народное ничто перед человеческим. Главное быть людьми, а не Славянами**»².

Народ – центральное понятие и одновременно «стержневая» мифологема народничества, наиболее влиятельного течения русской мысли и русской общественной жизни последней трети XIX – начала XX в. Будучи в основе своей социально-политическим движением, народничество оказало огромное воздействие на русское национальное самосознание и тем самым на русскую культуру, особенно сильное в 70–80-е гг. XIX в. В литературе сложилось даже особое направление «народнической беллетристики» (Г. Успенский, Н. Златовратский, Е. Каротин, П. Засодимский и др.). Однако самым крупным явлением в этом ряду был, несомненно, Л. Толстой, мировоззрение которого иногда определяют как особую форму народничества – религиозное народничество. Идеи народного влияния народничества чувствуется во многих значительных явлениях художественной культуры того времени – в живописи передвижников, в симфонической и оперной музыке «Могучей кучки», в критических работах В. В. Стасова и т. д.

Идеология народничества сложилась в самом конце 60-х годов в основном на базе революционно-демократических традиций шестидесятиничества, теории русского социализма Герцена и некоторых

² Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253–254.

идей марксизма, к которым народники добавили знаменитый субъективный метод, идею этнографического своеобразия России и этическую концепцию общественного прогресса. Этот синтез уже характерен для основополагающих работ, положивших начало теоретическому оформлению народничества («Исторические письма» П. Л. Лаврова и «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловского).

1. В народничестве окончательно закрепляется трактовка народа как особого социального слоя. В произведениях идеологов данного направления народ выступает не как мистическое «коллективное «Я»», носитель и выразитель особого мистического «духа», а как совокупность людей, поставленных в определенные социально-исторические условия. Народ – это социальная среда, формирующая специфические социально-психологические типы, и вместе с тем социальная общественность со своими совершенно конкретными жизненными проблемами – бедностью, безземельем, неграмотностью, бесправием перед чиновником и баринном, грубостью и дикостью нравов.

Народники решительно переходят от восхищенного любования народной своеобразностью к трезвому анализу этих проблем. В произведениях народнической беллетристики они показаны с исчерпывающей, почти научной точностью и конкретизацией, далеко превосходящей литературные зарисовки 40–50-х и даже начала 60-х годов. Народничество относится к действительной жизни народа без какой-либо романтической идеализации. Но это не скрупулезная и вместе с тем объективистски-бесстрастная детализация «физиологического очерка», а картина, исполненная глубокого сострадания. В народничестве сострадание народному горю принимает совершенно особый характер, который не исчерпывается обычным сочувствием одного человека другому. Речь идет о взаимной моральной ответственности различных общественных групп. В этой связи народничество формулировало знаменитую теорию долга образованных людей перед народом, который своей нищетой оплатил развитие культуры и просвещения в «высших» сословиях. «Мы поняли, что сознание общечеловеческих идеалов далось нам только благодаря вековым страданиям народа, – писал, в частности, Н. К. Михайловский. – Мы не виноваты в этих страданиях, не виноваты и в том, что воспитались на их счет, как не виноват яркий и

ароматный цветок в том, что он поглощает лучшие соки растения. Но, принимая эту роль цветка из прошедшего как нечто фатальное, мы не хотим ее в будущем. Может быть, такого параграфа и нет в народной правде, даже наверное нет, но мы его ставим во главу угла нашей жизни и деятельности, хоть, может быть, не всегда вполне сознательно»³.

Тема самовыражения народа в этнокультурном плане не слишком интересовала народников. Во всяком случае, она отступала на задний план перед социальными аспектами жизни. Но свой «долг» народники собирались платить не народным массам как таковым, а данному *конкретному* народу, точно так же, как и решать оно стремилось совершенно конкретные проблемы, созданные именно национальной историей. Народники не считали исторический процесс единообразно универсальным, а были сторонниками особого – «русского» – пути развития, не повторяющего западноевропейские образцы. В этом смысле надо понимать слова Михайловского, высказанные им в статье о Шиллере и имеющие значение творческой программы: все стремления, желания и цели, все руководящие принципы 70-х гг. – словом, все их *profession de foi* «может быть исчерпано двумя словами: русский народ»⁴.

В своих критических статьях народники уделяют основное внимание тем произведениям, которые посвящены изображению народной жизни, а в этих последних они особо выделяют мотивы «гражданского плача». Из этого подхода вырастает специфическая система оценок, характерное именно для народничества понимание того, что имеет и что не имеет значение как объект художественного изображения. В сущности, исходя из своих теорий, народники утверждают свою собственную эстетику, которую можно определить как эстетику «гражданских слез». «Гражданский плач», «гражданские слезы» понимаются в ней как особая и притом по-человечески наиболее ценная форма прекрасного.

«Не бросающаяся в глаза, скрытая, но истинная любовь к народу»⁵ – вот что народники ценят в художнике в первую очередь.

³ Михайловский, Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 79.

⁴ Михайловский, Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 145.

⁵ Успенский, Г. Н. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1957. С. 58.

Если творчество не направляется этой любовью, его ценность весьма условна, ее можно уподобить ценности неоткрытых или неразрабатываемых месторождений полезных ископаемых⁶.

Такой подход к проблемам искусства и эстетического был новым даже для русской литературы с ее специфическим духовным опытом сострадания и симпатии к простому человеку, столь ярко проявившимся в «Повестях Белкина», «Шинели» и «Бедных людях». Теперь этот подход, формировавшийся до той поры как спонтанное проявление гуманного чувства, рефлексировался и возводился в эстетическую норму, концептуально связанную с определенной социальной доктриной. «Сострадание» становится теперь как бы всеобщим принципом творчества.

Теория долга перед народом нередко прямо применялась в художественной критике и служила ей в качестве парадигмы социально-эстетического анализа искусства.

«... Музыканты наши до сих пор так много получали от народа. Он дал им столько чудных мотивов, что пора бы уж и расплатиться с ним хоть мало-мальски, в пределах музыки же, разумеется», – писал, например, Михайловский в работе «Из литературных и журнальных заметок 1874 года». «Оплату долга» знаменитый народнический публицист видит в музыкальном творчестве М. П. Мусоргского, который не только написал целый ряд романсов, проникнутых сочувствием к народной доле («Светик Савишна», «Колыбельная Еремужке», «Сиротка» и др.), но и создал ряд замечательных народных сцен в своих операх. «Пора вывести народные образы в опере не только в стереотипной форме «воины, девы, народ», – восклицает Михайловский, – и Мусоргский сделал, наконец, этот шаг».

Эти высказывания Михайловского чрезвычайно близки эстетическим оценкам В. В. Стасова, который очень много писал о Мусоргском и тоже считал народ «главным действующим лицом»⁷ музыкальной поэзии и музыкальной драматургии великого композитора.

Сформировавшиеся под влиянием народничества эстетические представления связывались в художественном самосознании эпохи

⁶ Лавров, П. Л. Соч. Т. 2. М., 1992. С. 94–96.

⁷ Стасов, В. В. Избр. статьи о Мусоргском. М., 1952. С. 101.

с принципами реализма. Причем речь шла о развитии и углублении художественного метода. Если раньше образы людей из народа создавались как бы на основе общих жизненных наблюдений, не сфокусированных на чем-либо специально, то теперь перед художником ставится задача *изучать* народ и народную жизнь. «Народные типы» не просто «подмечаются», их целенаправленно ищут, а народная жизнь во всем ее повседневном течении и типовых коллизиях воспроизводится с прямо-таки социологической достоверностью. Работа «в народе» и «среди народа» становится характернейшим явлением творческой деятельности. Отсюда берут свои сюжеты и темы передвижники и «балакиревцы», здесь они не просто «набираются впечатлений», но непосредственно находят образы и лица, выражающие тот или иной художественный замысел. По многочисленным воспоминаниям известно, что Перов, Крамской, Репин, Суриков как бы «выхватывали» своих героев из народной стихии, а музыкальные идеи Мусоргского нередко были навеяны реальными жизненными оценками. (Например, мелодия «Интермеццо», по его собственным словам, внезапно родилась у него зимой 1861 года в псковской деревне как своего рода «музыкальный эквивалент» наблюдавшегося им веселого шествия ватаги деревенских мужиков и баб по заснеженному полю.)

Еще более характерны примеры из области ориентированной на народнические журналы литературы и литературной публицистики. Так, Г. Успенский в одном из своих писем делится замыслом создания литературной «летописи народного разоренья», которая должна оживить данные земской статистики живым человеческим опытом.

План этого произведения (оставшегося, правда, ненаписанным) выглядит как программа экономического исследования крестьянской жизни вообще на материале одной деревни и одного крестьянского двора: он включает в себя, в частности, такие сюжеты, как сведения о происхождении недоимки, практика аренды и переаренды, кабальный залог надельной земли и т. д.

Формирование в обществе господствующего класса и выделение интеллигенции у народников выступает не только как нравственная проблема, но и как базисное противоречие истории. Разрешение этого противоречия есть главный смысловой вектор

развития, который большинство представителей данного идейного направления определяло как *общественный прогресс*.

Разделение на «народ» и людей «культурного строя», с точки зрения народников, создавало неравномерное распределение позитивных и негативных элементов социального бытия. Высокая степень культуры господствующих классов покупается не только нищетой народных масс, но и утратой некоторых важных духовных качеств в самом «образованном обществе». Приобретая больше знаний и технических средств, они нередко теряют не только в человечности, но и в здравом смысле. Сближение с трудящимися массами, отождествление своих жизненных целей с их интересами для образованных слоев оказывается одним из важных элементов выработки верных практических убеждений. Таким образом, принадлежность к народу – это не только социальный статус, не только род занятий и уровень материальной обеспеченности, но и особый тип отношения человека к человеку, а также особое духовно-нравственное состояние.

Осмысляя постановку данной проблемы в народнической идеологии, ее виднейший представитель П. Л. Лавров отмечал, что в народничестве отношение к социальным низам проявляется в двух формах. Это, с одной стороны, «слепое» народничество, полагающее, что «все найденное в народе есть истина и что в нем можно найти всю истину»⁸, и с другой – народничество «мыслящих людей». Последнее рассматривает связь интеллигенции и народа как двустороннюю. Оно также признает, что «многому приходится учиться интеллигентному человеку у трудящегося народа»⁹. Однако вместе с тем «критически мыслящее» народничество отдает себе отчет в том, что «общественные условия оставили массы при формах культуры, при преданиях мысли, которые принадлежат ступеням развития низшим сравнительно с теми, которых достигло мыслящее, развитое и нравственное меньшинство ... вполне живущее в прогрессивном потоке исторической жизни»¹⁰. Поэтому интеллигенция, в свою очередь, тоже может и должна предложить массам, которым «очень многое осталось недоступным в прогрессе мыс-

⁸ Лавров, П. Л. *Философия и социология* / Лавров, П. Л. Соч. Т. 2. С. 562.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

ли»¹¹, очень важные для них духовно-нравственные и интеллектуальные ценности.

«Слепое» и «мыслящее» народничества различаются также в понимании причин социального зла и путей его устранения. Первое, по Лаврову, не видит взаимосвязи всех элементов социально-экономической системы и потому полагается на личное самосовершенствование, в первую очередь, на личный отказ от денег, богатства и применения насильственного принуждения. Второе исходит из того, что индивидуальные усилия не могут изменить системы, и делает основную ставку на социальную революцию и политический переворот.

«Слепое» народничество – это, конечно, в первую очередь, учение и нравственная проповедь Л. Н. Толстого. Однако, несмотря на критику его со стороны революционного крыла народничества (всегда, впрочем, уважительную), в эмоциональном плане духовный опыт народничества с такой характерной его доминантой, как «стыд» перед бедностью за свое благосостояние и образованность, в значительной мере един. Да и теоретические трактаты Толстого оказывали влияние на художественных оппонентов, во многом формируя специфически народнический склад души, равно как и социально-психологические типы эпохи расцвета народничества.

В каком-то смысле народничество Толстого даже глубже народничества Лаврова, Ткачева и Михайловского, ибо он критикует с позиций «народа» не только государство и «господствующий класс», но и саму современную цивилизацию. И в этом плане Толстой выражает более «системную» точку зрения (за отсутствие которой его критиковали представители «другого» народничества), поскольку он ясно понимает взаимную обусловленность социальных форм и культуры, составляющих в каком-то смысле единое, неразрывное целое. Не случайно о Толстом и его учении так много писали практически все видные сторонники революционно-социалистического народничества: П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др.

Современники, да и последующие исследователи, чаще всего понимают социальную философию и философию культуры Тол-

¹¹ Лавров, П. Л. Философия и социология / Лавров, П. Л. Соч. Т. 2. С. 563.

стого как своеобразный, религиозно окрашенный руссоизм. Действительно, личность Руссо, как известно из биографии великого писателя, еще в юности оказала на него глубокое воздействие. Учение Руссо, безусловно, также отразилось в мировоззрении Толстого. Однако в целом это именно *народническое* мировоззрение со всей той специфической системой понятий, ценностей и эмоциональных констант, которые для него были характерны.

Бердяев пророчески усматривал огромную опасность для будущего страны. Однако, отмечал он, на вершинах своих Россия опережает остальное человечество, ибо на этих вершинах предельно углубляется кризис мировой культуры и осуществляется переход к сверхкультуре.

Кризис творчества, кризис культуры почувствовали некоторые наиболее значительные художники и на Западе, рассуждает далее философ. Однако все они были, в конце концов, подавлены огромностью и благородством старой культуры и обратились от пошлости современного буржуазного духа к реставрации великого прошлого. Но последнее утончение старой культуры сделало их творчески бессильными. В противовес этому русский человек – даже человек высокой культуры – свободнее в своих исканиях и сильнее в творческих порывах. Поэтому именно Россия с предельной остротой призвана поставить проблему отношения религиозности к творчеству и культуре, именно с ней, с Россией, связаны самые глубокие тенденции, ведущие к будущему.

В рассуждениях Бердяева о русской духовности и об исторических судьбах России нашли продолжение старые споры славянофилов и западников. В этих спорах он занял достаточно оригинальную позицию. В противовес односторонне западнической точке зрения, с порога отвергавшей все не похожие на «Европу» элементы русской жизни и рассматривавшей их как признак второсортности или отсталости, философ отстаивает духовно-историческую самобытность России. Русский народ не «догоняет» Запад, а идет своим, собственным, путем.

Характеризуя духовный склад русского народа, Бердяев убедительно опровергает расхожие легенды о его косности, варварстве, об отсутствии в нем творческого начала. Он напоминает читателю и о культуре Киевской Руси, стоявшей значительно выше совре-

менной ей культуры Западной Европы, и о величии русской классической литературы, и об оригинальности русской религиозно-философской мысли, и о коллективном гении закрепощенных, неграмотных крестьянских масс, создавших свою, собственную, самобытную культуру, основанную, согласно Бердяеву, на православии.

Соприкосновение с Западом, начало которому положили реформы Петра, ускорило развитие русской культуры и, как это ни парадоксально, способствовало проявлению ее самобытных тенденций в искусстве и в сфере философской мысли. Однако западное просвещение сконцентрировалось лишь в узком слое дворянства и интеллигенции. Усвоив западные веяния, этот слой оторвался от народа, продолжавшего жить своими традициями, стал для него совершенно чуждым. К тому же само «образованное общество» восприняло иноземные влияния достаточно поверхностно. Они не смогли совершенно переделать русского человека, а лишь породили в его сознании и делах напряженнейшие коллизии.

Созданная Петром империя, отмечал Бердяев, сделалась могущественнейшим государством в мире, но ее единство, как он считал, не носило духовного характера. Наоборот, оно порождало и воспроизводило «разорванную» духовность. Поэтому при всем своем внешнем величии русское государство XIX века было противоречивым и нездоровым. В сердцевине его был заложен конфликт между исконной русской идеей гармонично устроенного православного царства («Святая Русь») и заимствованной у немцев идеей империи. С начала 90-х годов Россия вступает в новую эпоху своей истории. В стране происходит полоса резких и быстрых социальных, экономических и политических сдвигов, совершенно изменивших весь контекст, в котором стояла до того проблема народности искусства, начиная от организационно-финансовых и кончая идеологическими ее аспектами. Серьезно изменился общественный климат: идеологические ограничения советского времени были сняты, однако культуросцентричные ориентации постсоветской эпохи чрезвычайно быстро трансформировались в культ экономики и «экономического» человека. Узко понятый экономический рационализм стал вытеснять далеко на периферию внимания всё то, что не укладывается в рамки стандартизованного индустриального потребления.

Впервые за все время своего существования российское общество оказалось без идеи служения (царю и Отечеству, прогрессу, революции и т. п.), задающей ему некий обобщённый и вместе с тем относительно единый смысловой вектор. Показательно, что когда обеспокоенный разложением социальных ценностей Президент РФ высказался в пользу формирования новой национальной идеи, это, в сущности говоря, ни к чему не привело. В такого рода ситуации оказалось невозможным сформулировать сколько-нибудь ясный критерий народности применительно к творческой деятельности профессиональной интеллигенции, потому что такие критерии всегда были не идеологическими. Какой могла бы быть народность современной литературы, изобразительного искусства, кинематографа – совершенно не ясно. Остаётся история, историческая память, исторические формы народности (например, народность Пушкина или передвижников). Остаётся также традиция народной культуры и осуществляемое в рамках этой традиции живое творчество. Благодаря прямой многовековой преемственности эта народность обладает достоинством бесспорности и может быть выражена исключительно на языке культуры без каких-либо идеологических опосредований.

Другое дело – нужна ли она в условиях всеобщей глобализации и найдётся ли ей место в обществе, создаваемом под «экономического человека» с его специфическим («экономическим») рационализмом и столь же специфическим эгоизмом?

Интересно с этой точки зрения мнение зарубежных экспертов. Если первый этап становления «информационного общества» и глобальной экономики (70–80 гг. XX века) характеризовало убеждение в постепенном «снятии» национальных границ, вера в «мультикультурное общество и грядущую универсальную «глобальную культуру», то начиная с середины 90-х годов начинают всё громче звучать иные ноты и мотивы. Нации и народности не исчезают и не сливаются. Национальное самосознание народов не исчезает, а лишь приобретает новые формы, тогда как перспективы «глобальной культуры оказываются очень неясными в силу её недостаточной содержательности¹².

¹² См., например: M. Castells et al. *The New Global Economy in the information Age*. 1993. Epilogae.

Разумеется, форсированная перестройка общественной жизни в России по принципу сугубо экономической полезности серьёзно ударила по устоям народного бытия, по всей сфере народного творчества и механизмам воспроизводства его социологической среды. Многие проекты в области народной культуры, в особенности крупные и широкомасштабные, в одночасье лишились государственной поддержки. Идея народности, на которую не мог не упасть определённый отблеск советского официоза, автоматически попадает в жернова мощной идеологической ломки, очередной попытки разрушить и начать «всё заново», которыми отличается российская история последнего столетия.

Размышляя о культуре, мы чаще имеем в виду ее разновидности: музыкальную, словесную, живописную, театральную и т. п. И не замечаем ее глобального качества: культура в целом составляет особое мировоззрение, специфическую систему понимания и воссоздания жизни. Говоря о взаимодействии политики и культуры, нельзя не заметить, что вот это главное в культуре не особенно ясно осознается политикой и ее «знаковым» элементом – властью. Это отрицательно действует на людей, которые, как правило, отдают предпочтение таким временным величинам, как политика и власть, отодвигая в сторону величину вечную – культуру.

Недавно знаменитый дагестанец Расул Гамзатов сказал президенту Владимиру Путину: «У меня складывается впечатление, что религия теперь присоединилась к государству, а литература и культура от государства удалены»¹³.

¹³ Николаев, П. А. Журнал «Советник Президента». № 8. 2002. С. 10.